

<https://doi.org/10.70728/b.series.fil.v08.i09.037>

УДК: 821.161.1-32.09

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СТЫДА В ЦИКЛЕ
ЛИРИЧЕСКИХ МИНИАТЮР В.П. АСТАФЬЕВА «ЗАТЕСИ»**

Байбекова Камиля Рашидовна

Андижанский государственный институт иностранных языков,

Преподаватель, Андижан

E-mail: kameliya5354@gmail.com, +998905267089

ORCID: 0009-0003-0181-9966

Аннотация. В настоящей статье производится реконструкция художественного концепта «стыд» в цикле лирических миниатюр В.П. Астафьева «Затеси». Структура концепта описана через модель, предложенную И.А. Тарасовой, и включает в себя предметный, понятийный, образный, ассоциативный, ценностно-оценочный и символический слои. В ходе исследования было установлено, что смысловой центр концепта образует не боязнь огласки, а способность соотнести собственный или разделяемый субъектом общественный поступок с мерой человеческого достоинства. Индивидуально-авторское приращение в структуре концепта состоит в переносе чувства стыда с непосредственного нарушителя на свидетеля, поколение и национальное «мы» при сохранении личного адреса нравственной оценки. Поздние по композиционному положению сатирико-публицистические миниатюры обнаруживают его дискурсивное варьирование, в котором бытовая эмоция становится формой гражданского самоиспытания.

Ключевые слова: художественный концепт, стыд, срам, совесть, национальное, концептосфера, В. П. Астафьев, структура концепта

**V. P. ASTAFYEVNING «ZATESI» LIRIK MINIATYURALAR TURKUMIDA
«UYAT» KONSEPTINING BADIY KONSEPTUALIZATSIYASI**

Annotatsiya. Mazkur maqolada V.P. Astafyevning «Zatesi» lirik miniatyuralar turkumidagi «uyat» badiiy konsepti rekonstruksiya qilinadi. Konsept tuzilishi I.A. Tarasova taklif etgan model asosida tavsiflanib, predmetli, tushunchaviy, obrazli, assotsiativ, qadriyatli-baholovchi va ramziy qatlamlarni o‘z ichiga oladi. Tadqiqot natijasida konseptning mazmuniy markazini xatti-harakatning oshkor bo‘lishidan qo‘rqish emas, balki shaxsning o‘z xatti-harakatini yoki o‘zi mansub deb bilgan ijtimoiy muhitdagi xatti-harakatni inson qadr-qimmati mezoni bilan qiyoslash qobiliyati tashkil etishi aniqlandi. Konsept tuzilishidagi individual-

mualliflik ma’no orttirmasi uyat tuyg‘usining bevosita qoidabuzardan guvohga, avlodga va milliy «biz»ga ko‘chirilishida namoyon bo‘ladi; ayni paytda axloqiy bahoning shaxsiy yo‘nalganligi saqlanib qoladi. Kompozitsion jihatdan turkumning keyingi qismida joylashgan satirik-publitsistik miniatyuralar konseptning diskursiv variativligini namoyon etadi: ularda maishiy hissiyot fuqarolik o‘z-o‘zini sinash shakliga aylanadi.

Kalit so‘zlar: badiiy konsept, uyat, sharm, vijdon, milliylik, konseptosfera, V.P. Astafyev, konsept tuzilishi.

THE ARTISTIC CONCEPTUALIZATION OF SHAME IN VIKTOR ASTAFYEV’S CYCLE OF LYRICAL MINIATURES «ZATESI»

Abstract. This article reconstructs the literary concept of shame in Viktor Astafyev’s cycle of lyrical miniatures «Zatesi». The structure of the concept is described according to the model proposed by I.A. Tarasova and comprises referential, notional, figurative, associative, axiological-evaluative, and symbolic layers. The analysis demonstrates that the semantic core of the concept is formed not by fear of exposure but by the individual’s capacity to measure either a personal action or a socially shared action against the standard of human dignity. The authorial semantic accretion consists in transferring the feeling of shame from the immediate transgressor to the witness, the generation, and the national “we”, while preserving the personal address of moral evaluation. The satirical and publicistic miniatures placed later in the composition of the cycle reveal the discursive variation of the concept, through which an everyday emotion becomes a form of civic self-examination.

Keywords: literary concept, shame, disgrace, conscience, national culture, concept sphere, Viktor Astafyev, concept structure.

Введение. Изучение национального содержания художественного текста нередко сводится к установлению перечня черт, приписываемых народу, либо к регистрации культурно маркированных слов и реалий. Оба подхода продуктивны в пределах собственных задач, но недостаточны для художественной прозы, в которой национальное существует как предмет авторской проверки. В таком тексте культурно унаследованная норма не воспроизводится в неизменном виде, а соотносится с частным опытом, исторической памятью, речевой позицией повествователя и системой авторских оценок. Категория художественного концепта позволяет описать это взаимодействие, поскольку соединяет общекультурное содержание с его индивидуально-авторским преобразованием и реконструируется не по одному слову, а по совокупности повторяющихся образов, мотивов и композиционных соответствий. Такое понимание согласуется с трактовкой Л.В. Миллер, определяющей художественный концепт как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти» [5, с. 42]. Наличие в авторском сознании национальной составляющей подтверждает и В.И. Васильева, которая подтверждает, что «исследуя художественную концептосферу автора, мы обнаруживаем не только особенности его мировидения и мироощущений, но и отражённые в ней особенности национального сознания и культуры» [2, с. 38].

Цель статьи – определить структуру и индивидуально-авторское содержание концепта «стыд» в цикле В.П. Астафьева «Затеси», а также установить его функцию в художественной концептуализации национального. Необходимость достижения вышеуказанной цели вызвала необходимость постановки и решения следующих задач: 1) очертить лексико-культурный инвариант концепта и разграничить стыд, совесть, вину, позор и грех в идиостиле В.П. Астафьева; 2) установить прямые и косвенные способы репрезентации рассматриваемого концепта; 3) сопоставить бытовые, автобиографические и сатирико-публицистические ситуации, репрезентирующие концепт; 4) реконструировать ядро и периферию концепта; 5) воспроизвести послойную структуру концепта.

Научная новизна работы состоит в системном рассмотрении концепта по материалу разных тетрадей цикла и в выявлении отрицательной репрезентации – утраты способности стыдиться – как одного из основных способов утверждения положительной нормы достоинства.

Объект и методы исследования. Объектом исследования послужил цикл В.П. Астафьева «Затеси» в объёме семи тетрадей, изданный в 2021 году [1]. Посредством сплошного чтения и лексического контроля отбирались контексты с единицами *стыд, стыдно, стыдиться, постыдный, срам, срамить, суд, позор, совесть, раскаяние, бесстыдство, холуй, унижение*, а также эпизоды, где соответствующая нравственная ситуация развёртывается без прямой номинации. В основной аналитический корпус вошли рассказы «Кружево», «Записка», «Постскриптум», «Генерал-холуй». Выбор текстов определяется не их композиционной смежностью, а повторяемостью ситуаций самоосуждения, публичного пристыжения, унижения и нравственной нечувствительности.

Теоретической основой послужило понимание художественного концепта как многослойного смыслового образования, в котором взаимодействуют предметный, понятийный, образный, ассоциативный, ценностно-оценочный и символический компоненты [9, с 45-53]. Данное членение используется как система аналитических проекций, а не как механическая классификация слов. В таком случае одна и та же деталь может одновременно принадлежать предметному плану, участвовать в формировании образной модели и получать ценностную функцию. Текстовым коррелятом концепта, в след за И.А. Тарасовой, нами признаётся мотив – устойчивый формально-содержательный компонент, способный переходить из одной миниатюры в другую. На повторяемость мотива за пределами текста одного произведения указывает и И.В. Силантьев [8, с. 94]. Таким образом, единичная сцена рассматривается как репрезентация концепта только в том случае, когда её смысловые признаки подтверждаются повторениями в цикле.

Методика анализа вобрала в себя пять операций:

1) На первом этапе по толковым, этимологическим, фразеологическим и паремиологическим источникам устанавливался общекультурный инвариант рассматриваемого нами концепта.

2) На втором разграничивались субъект переживания, предмет оценки, наличие реального или воображаемого свидетеля и возможность исправления поступка.

3) На третьем этапе проводился контекстуальный анализ миниатюр и выделялись повторяющиеся мотивы, среди которых отведённый взгляд, публичное высмеивание, либо наказание, нарушенное родство, подмена правдивого слова официальной формулой, унижение труда и жертвы, память о неисправимом поступке.

4) Четвёртая операция заключалась в послойной реконструкции концепта.

6) На пятом этапе общекультурные признаки сопоставлялись с авторскими смысловыми приращениями.

Результаты и обсуждение. В качестве национальной общекультурной составляющей концепта «стыд» в рассматриваемых нами миниатюрах было выявлено следующее:

1. Этимология слова *стыд* сохраняет связь нравственного переживания с телесным ощущением холода. Так, М. Фасмер сопоставляет соответствующие славянские формы со значениями «стесняться», «стыдиться» и «стынуть» и связывает их с основой *студ-* [10, с. 789]. Эта связь не может служить готовым ключом к каждому художественному употреблению, но выявляет телесную составляющую абстрактной эмоции. В цикле «Затеси» ей соответствуют сжатость, оцепенение, отведённый взгляд, невозможность заговорить и позднее содрогание при возвращении постыдного воспоминания.

2. Слово *срам* вводит иной историко-речевой оттенок. М. Фасмер отмечает церковнославянское происхождение литературной формы и её соотношение с народным *сором* [10, с. 739]. В. М. Мокиенко, анализируя формулу *стыд и срам*, привлекает разграничение внутреннего переживания ошибки и обращённого извне коллективного упрёка [6, с. 174-176]. Такое распределение не имеет силы универсального правила, но позволяет проверить взаимодействие двух направлений оценки. В миниатюре «Кружево» глагол *срамят* принадлежит коллективной деревенской речи («А бабы срамят, ох как срамят!» [1, с. 186]), а в миниатюре «Генерал-холуй» древнерусская формула «мёртвые сраму не имут» [1, с. 541], начинающая повествование, переводит частное чувство в общественно-исторический масштаб.

3. Толковые и паремиологические источники подтверждают двойную направленность концепта. Стыд определяется как внутреннее осознание предосудительности поступка и одновременно как позор, бесчестье, унижение в глазах людей. У В.И. Даля «истинный стыд» назван наружным проявлением совести, тогда как «ложный стыд» возникает вопреки её голосу [3, с. 356]. Пословицы «От стыда некуда глаз деть», «Умри, коли стыда нет», «Жили и прожили, а стыда не нажили» связывают переживание с видимостью поступка и жизнеспособностью нравственной личности. Вместе с тем формула «Людской стыд – смех, а свой – смерть» предупреждает против абсолютной власти внешнего суда [4, с. 270]. Эта амбивалентность существенна для Астафьева: общинное срамление может оказаться ограниченным и жестоким, тогда как неспособность стыдиться перед унижением другого оценивается безусловно отрицательно.

Индивидуально-авторское приращение смыслов в исследуемом концепте состоит в следующем:

1. В миниатюре «Кружево» обнаружено несовпадение внешнего суда и внутреннего мотива. Бабка Евлампия вынуждена угощать приёмщиков, чтобы созданное ею кружево приняли первым сортом. Перед другими мастерицами она опускает глаза, поскольку нарушила коллективный уговор не уступать вымогателям («Старушонки, что проявили строптивость, не умаслили полномочный люд – на дыбу бабку, на суд, шумный и мятежный... Не перечит бабка Евлампия, глаза в землю, вздохнет только летуче...» [1, с. 185-186]). Повествователь объясняет её поступок заботой о заболевшей внучке: ради ребёнка она «всё готова стерпеть срам, стыд, унижение» [1, с. 186]. Однако Евлампия признаёт свою вину и отдаёт себе отчёт о нарушении принципа артельной солидарности («И она бы срамила – как иначе-то? Артельно надо жить. Раз похитрила, заговор нарушила – терпи!» [1, с. 186]). Ценностный слой в данном случае осложняет коллективный приговор: Евлампией движет не корысть, а семейная ответственность, а сама система заставляет работницу покупать справедливую оценку труда. Тем самым внешний стыд не получает автоматического авторского укора.

В миниатюре «Записка» ситуация инвертирована. Публичного пристыжения ещё нет, однако поступок сына свидетельствует об исчезновении внутренней границы. Оставленный в кармане матери текст – «На прокорм легка, хотя и объесть может. Но не зловредна» [1, с. 187] – превращает человека в предмет хозяйственной рекомендации. Перечень функций – нянька, сторожика, домработница – стирает родство и биографию «изношенной в работе» [1, с. 187] женщины. Резкое желание повествователя сделать поступок «всем» слышимым следует интерпретировать как гиперболизированный образ общественной огласки, а не как буквальную программу телесного наказания. Стыд действует здесь отрицательно: его отсутствие выявляет необходимость ответственности перед матерью и родовой памятью.

Наиболее последовательная авторефлексия представлена в «Постскриптуме». Миниатюра начинается признанием: «Среди многих постыдных поступков, которые я совершил в жизни, более всех памятен мне один» [1, с. 455]. Речь идёт о детской выходке: герой выключил репродуктор и грубо высмеял голос Надежды Обуховой. В момент поступка окружающие поддержали насмешку, следовательно, внешний суд не вызвал стыда. Нравственная оценка возникла позднее, когда изменились самопонимание рассказчика. Поздняя концертная сцена делает личное воспоминание моделью разделённой ответственности, где автор хочет «за всех за нас попросить прощения у милой дирижерши в черненьком фраке, у оркестрантов, так трудно и упорно зарабатывающих свой честный, бедный хлеб, извиниться за всех нас...» [1, с. 456]. Формула «за всех за нас» не отменяет индивидуальной ответственности, поскольку возникает после личного признания. Она обозначает способность увидеть собственный поступок в повторяющейся культурной ситуации, а именно неспособности услышать труд и внутренний опыт другого.

Кульминационное развёртывание концепта происходит в миниатюре «Генерал-холуй». Начальная фраза преобразует древнерусскую формулу: «Говорят, мертвые сраму не имут. Но у нас и живые не очень чувствительны к сраму – много его, сраму-то, накопилось, вот и приходится сквозить мимо, переступать, отворачиваться...» [1, с. 541]. В «Повести временных лет» выражение включено в речь Святослава перед сражением и связывает отказ от бегства с достоинством князя и Русской земли [с. 50]. Астафьев меняет направление высказывания: речь идёт уже не о бесстрашии перед смертью, а об утрате чувствительности у живых.

Трёхкратное возвращение корня *срам*- превращает его в смысловую доминанту. Глагол *накопилось* придаёт нравственному состоянию предметность и историческую длительность. Градационный ряд *сквозить мимо – переступать – отворачиваться* обозначает выработанную практику невидения. Финальный вопрос – «А не хочется ли прикончить холуя? в себе прикончить?..» [1, с. 545] – меняет адрес оценки. Публицистический приговор возвращается к исповедальной природе цикла. Так, порок нельзя окончательно вынести в чужую историческую фигуру. Общественный стыд становится нравственно продуктивным только тогда, когда включает личное самоиспытание.

Воспроизведённая нами далее послойная реконструкция концепта «стыд» подтверждает устойчивость данной структуры в цикле лирических миниатюр В.П. Астафьева «Затеси». Предметный слой образуют лицо и глаза, опущенная голова, сжатое тело, записка, кружево, мундир. Понятийный слой включает осознание предосудительности, несоответствие достоинству, реальный либо воображаемый взгляд другого, огласку, самоосуждение и потребность восстановить нарушенную связь. Образный слой организуют модели взгляда и уклонения от него, верха и низа, накопления срама, утраты человеческого облика, невозможного исправления. Ассоциативный слой соединяет стыд с семьёй, трудом, хлебом, словом, молчанием, властью, страной, и родственной памятью. Ценностный полюс образуют достоинство, честность, бережность, самостоятельность, солидарность и способность к раскаянию. Антиценностный – предательство родства, эксплуатация нужды, холуйство, идеологическая ложь и равнодушное зрительство. Символическую функцию получают записка вместо сыновней заботы, мундир холуя и невозможный жизненный постскриптум.

Таким образом, полученные результаты подтверждают продуктивность анализа не только прямых номинаций, но и повторяющихся ситуаций. В «Затесях» лексемы *стыд* и *срам* концентрируются в смыслово сильных позициях, однако значительная часть концепта выражена отрицательно – через демонстративное отсутствие нравственной реакции. Такая репрезентация создаёт методологическую трудность: исследователь рискует включить в концепт любую сцену авторского осуждения. Ограничителем служит мотивная повторяемость и набор диагностических признаков: нарушенное достоинство, видимость либо сокрытие поступка, телесная реакция, возможность самоосуждения, связь частного случая с общей нормой.

Заключение. Концепт «стыд» в сборнике В.П. Астафьева «Затеси» формируется через три взаимосвязанных типа ситуаций. В бытовом и общинном пространстве он регулирует отношения родства, труда и солидарности, но внешний суд может расходиться с внутренним нравственным мотивом. В автобиографической рефлексии стыд соединяется с виной, совестью и раскаянием и превращает память о неисправимом поступке в запрет на повторение. В сатирико-публицистических миниатюрах предметом оценки становятся холуйство, ложное публичное слово, привилегия, эксплуатация нужды и равнодушие к униженному человеку.

Общекультурное ядро – переживаемое несоответствие поступка достоинству – получает у Астафьева индивидуальное приращение. Стыд переносится с непосредственного нарушителя на свидетеля, поколение и национальное «мы», однако сохраняет личный адрес. Главной положительной характеристикой оказывается не стыдливость как зависимость от внешнего мнения, а способность к самоосуждению и восстановлению правдивого взгляда. Главной отрицательной репрезентацией становится не единичный постыдный поступок, а привычка «переступать» через накопившийся срам и не видеть унижения другого.

Национальное содержание концепта определяется не исключительностью эмоции, а способом организации ответственности. Повествователь проверяет современность памятью семьи, деревни, труда, войны и словесной традиции. Поэтому концепт «стыд» выполняет в цикле функцию нравственного регулятора, так как он удерживает нарушенное достоинство в памяти и превращает гражданскую самокритику в форму личного самоиспытания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Астафьев В.П. Собрание сочинений в 15 томах. Т.7. Затеси. Семь тетрадей. – Красноярск : Изд-во «Офсет», 2021. – 592 с.
2. Васильева Т.И. Художественная концептосфера: национальное и индивидуальное. Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 6 (48) 2015, часть 1. – С. 37-39. Электронный источник. Режим доступа: <https://www.gramota.net/article/phil20151109/fulltext> (Дата обращения: 12.09.2026)
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. Санкт-Петербург; Москва: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. Т. 4: Р–V. – 704 с.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. Москва: Университетская типография, 1862. – 1095 с.
5. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. – С. 39-45.
6. Мокиенко В. М. Стыд и срам в восточнославянской паремиологии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы Международной научной конференции, Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г. / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 174-176.

7. Повесть временных лет. Ч. 1: Текст и перевод / подгот. текста Д. С. Лихачёва; пер. Д. С. Лихачёва и Б. А. Романова; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 667 с.

8. Силантьев И. В. 36 Поэтика мотива / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Москва: Языки славянской культуры, 2004. (Язык. Семиотика. Культура). – 296 с.

9. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. Москва: ИНФРА-М, 2024. – 166 с.

10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва; под ред. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. Москва: Прогресс, 1987. Т. 3: Муза–Сят. – 832 с.